

УДК 1 (091); 8 (81)

ОТ ТЕКСТА К МЕТАФОРЕ В ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ПОЛЯ РИКЕРА¹

Я.С. Чернова

Аннотация. В статье рассматривается одна из центральных проблем герменевтики – интерпретация – в концепции французского философа Поля Рикера. Исследование включает в себя объединение герменевтических проблем, связанных, прежде всего, с текстом и литературным произведением, и риторических, семантических проблем, в которых важное место занимает метафора. В статье описана теория референции и смысла, метафоры, раскрыты поэтический компонент языка, понимание другого.

Ключевые слова: Рикер, метафора, герменевтика, поэзия, язык, интерпретация, референция

Французский мыслитель XX века Поль Рикер подчеркивает, что именно на уровне интерпретации понимание текста дает ключ к пониманию метафоры. Некоторые особенности речи начинают играть явную роль только тогда, когда речь идет о форме литературного произведения. Рикер противопоставлял ссылку (референцию) и смысл. Он указывал, что смысл – это «то, что» (“*quoi*”), а референция – это «о чем» (“*au sujet de quoi*”) в речи [1, с. 106]. Конечно, эти две черты могут быть распознаны в наименьших единицах языка, таких как речь. Предложение касается ситуации, в которой оно выражается и возвращается к своему оратору через конкретные процедуры. Но референция и самореференция не порождают проблем, пока речь не стала текстом и не приняла форму произведения. Для решения данных проблем Рикер предлагает разъяснить разницу между письменными и устными языками. В разговорной речи в конечном итоге мы говорим об общей ситуации собеседников, то есть об аспектах реальности, которые можно указать; мы говорим, и референция является «остенсивной». В письменном языке ссылка больше не является наглядно очевидной; поэма, эссе, произведения говорят о вещах, событиях, состояниях вещей, характерах, которые упоминаются, но которых нет. И все же литературные тексты о чем-то повествуют. И здесь Рикер указывает, что речь идет о предмете мира данного произведения. У человека есть мир, а не просто ситуация, то есть «*Welt*», а не только «*Umwelt*» [1, с. 107]. Точно так же, как текст освобождает свой смысл от опеки мыслительного намерения, он освобождает свою ссылку от пределов очевидной референции. Для нас мир – это набор ссылок, открытых с помощью текстов. Таким образом, мы говорим о «мире» Греции, не о том, каковы были ситуации для тех, кто их проживал, а для обозначения не-ситуационных ссылок, которые выживают после стирания первых и которые теперь предлагаются как возможные миры бытия, как возможные символические измерения нашего бытия в мире [1].

Характер референции в контексте литературных произведений имеет значение для интерпретации. Подразумевается, что смысл текста не стоит за текстом, а находится перед ним. Это не что-то *скрытое*, а *открытое*. То, что дает понять, то, что указывает на возможный мир, благодаря неочевидным ссылкам текста. Тексты говорят о возможных мирах и возможных способах ориентирования в этих мирах. Таким образом, «открытое» в письменных текстах является эквивалентом для намеренно очевидной ссылки в разговорном языке. В итоге, интерпретация становится захватом предложений открытого мира неочевидными ссылками текста. Данная концепция интерпретации выражает решительный сдвиг акцента в отношении романтической традиции герменевтики; в этой традиции акцент делался на способности слушателя или читателя переходить в духовную жизнь другого оратора или писателя. *Verstehen-понимать* – это следовать за динамикой произведения, движением о том, что оно повествует к тому, что оно говорит об этом

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-33-01099-ОГН «Онтологический анализ поэзии в герменевтике мыслителей XX в.»

предмете. В ситуации читателя и автора Рикер предлагает себя поставить в возможный мир бытия, который текст открыл для него [1].

Это то, что Гадамер называет «слиянием горизонтов» (*Horizontverschmelzung*) в исторических знаниях. Это смещение акцента с понимания другого на понимание мира произведения влечет за собой соответствующее изменение в дизайне «герменевтического круга». Согласно герменевтическому кругу мыслители романтизма считали, что понимание текста не может быть объективной процедурой в смысле научной объективности, но что оно обязательно подразумевает предварительное понимание, выражающее то, как читатель уже понял автора и его произведение. Вот почему между пониманием текста и осознанием себя возникает своего рода замкнутый круг. Для Рикера герменевтический круг остается неизбежной структурой интерпретации. Но он также отмечает, что не было бы подлинной интерпретации, которая не заканчивалась бы в форме присвоения – если под этим термином мы подразумеваем процесс, с помощью которого мы делаем что-то нашим, то, что изначально принадлежало другому. С позиции мыслителя герменевтический круг неправильно понимается до тех пор, пока он представлен, во-первых, как круг между двумя субъектами – читателем и автором, во-вторых, как проекция субъективности читателя в само чтение [3, с. 155].

Исправим первое предположение, чтобы исправить второе. То, что мы делаем своим, – это не чужой опыт или отдаленное намерение, а горизонт мира, к которому относится произведение. Присвоение ссылки больше не находит модель в слиянии сознания, сочувствия или симпатии. Приход смысла и референции текста в языке – это переход к языку мира, а не признание другого человека. Вторая поправка, сделанная Рикером и примененная к романтической концепции интерпретации, является результатом первой. Если присвоение является аналогом открытости, то роль субъективности не должна описываться в терминах проекции. Таким образом, читатель понимает себя перед текстом, перед миром произведения.

Чтобы понять себя перед миром, совершенно противоположным самому себе, своим собственным верованиям и предрассудкам, это скорее позволить произведению и его миру расширить горизонт понимания, который человек берет из себя. Следовательно, герменевтика не подвергает интерпретации конечным возможностям понимания данного читателя; она не ставит смысл текста под власть субъекта, интерпретирующего его. Рикер подчеркивает, что «интерпретация – это процесс, посредством которого обнаружение новых способов бытия – или если кто-то предпочитает Витгенштейна Хайдеггеру, новых «форм жизни» – дают субъекту новую способность познавать самого себя» [1, с. 109].

Таким образом, герменевтический круг не отрицается, он перемещается от субъективистского уровня к онтологическому: круг находится между собственным способом бытия и открытым способом текста как мира произведения. В своих работах Рикер возносит роль читателя, который интерпретирует свое собственное существо и рассматривает собственную жизнь, как текст [5, с. 37].

Такова модель интерпретации, которую Рикер предлагает перенести с текстов, как последовательности речи, на метафору, понимаемую как «стихотворение в миниатюре» (Бердсли). Разумеется, метафора – слишком короткая речь, чтобы развернуть эту диалектику между открытием мира и открытием себя перед этим миром. Однако эта диалектика указывает на некоторые особенности метафоры, которые, по-видимому, не учитывают современные теории, но которые не были учтены в греческой теории метафоры [2]. Здесь Рикер предлагает вернуться к теории метафоры в «Поэтике» Аристотеля. Метафора является лишь одной из «частей» того, что Аристотель называет «речью» (*lexis*); как таковая, она относится к группе речевых процедур: использованию иностранных слов, созданию новых слов, сокращению или удлинению слов, все, что отходит от общего употребления слов. Итак, что же делает единой *lexis*? Только ее функция в поэзии. *Lexis*, в свою очередь, является одной из «частей» трагедии, взятой как парадигма по-

этического произведения. Трагедия, в контексте «Поэтики», представляет собой уровень литературной работы в целом [6, с. 247].

Трагедия, как поэма, имеет смысл и ссылку. На языке Аристотеля «смысл» трагедии обеспечивается тем, что он называет «сказанием»; *mythos* имеет единство и последовательность, а действия представляют собой нечто «целое и полное». Таким образом, *mythos* является главной «частью» трагедии, ее «сущности»; все другие ее «части» – «персонажи», «мысли», «речь», «спектакль» – связаны с мифом как средства или условия, или как исполнение трагедии в качестве мифа. Нет никакого локального значения метафоры, кроме значения, данного мифом трагедии. Но, если метафора связана со «значением» трагедии посредством ее мифа, она связана со «ссылкой» трагедии, благодаря своей общей цели, которую Аристотель называет мимесисом.

В данном контексте Рикер задался вопросом о том, почему поэты пишут трагедии, разрабатывают фабулы и используют «заимствованные» слова и метафоры? Потому что сама трагедия связана с более фундаментальным проектом – подражанием человеческим действиям поэтическим способом. С этими двумя ключевыми словами – *mimesis* и *poiesis* – мы достигаем уровня, который Рикер назвал ссылочным миром работы. Можно сказать, что аристотелевская концепция мимесиса уже охватывает все парадоксы ссылки. С одной стороны, он выражает мир человеческих действий, который уже существует; трагедия призвана выразить человеческую реальность, трагедию жизни. Но, с другой стороны, мимесис не означает редупликацию реальности; *mimesis* не является копией; *mimesis* – это *poiesis*, то есть производство, строительство, создание. Аристотель дает, по крайней мере, два указателя на это творческое измерение мимесиса: во-первых, фабула – это оригинальная когерентная конструкция, которая свидетельствует о творческом гении художника; с другой стороны, трагедия – это подражание человеческим действиям, которые заставляют их казаться лучше, выше, благороднее, чем они есть на самом деле. Не могли бы мы тогда сказать, что мимесис – это греческое название того, что мы назвали необоснованной ссылкой на литературное произведение, или, другими словами, греческое название открытого мира?

Сила метафоры проистекает из ее связи внутри поэтического произведения, с фабулой, которая является сутью работы, ее имманентным значением, с интенциональностью произведения, взятого в целом, то есть с намерением представить человеческие действия выше, чем они есть на самом деле: и это и есть мимесис. В этом смысле сила метафоры происходит от силы поэмы как совокупности. Применим эти замечания, взятые из «Поэтики» Аристотеля, к рикеровскому описанию метафоры.

Не могли бы мы сказать, что черта метафоры, которую мы поставили выше всех остальных – ее зарождающийся или возникающий характер, связана с функцией поэзии как творческой имитацией реальности? Почему мы должны изобретать новые значения, значения, которые существуют только в момент речи? Если верно, что поэма создает мир, для него требуется язык, который сохраняет и выражает свою творческую силу в определенных контекстах. Если мы соединим *poiesis* поэмы и метафоры в качестве возникающего значения, мы придадим смысл одновременно и поэзии, и метафоре [4].

Таким образом, именно такой способ Рикер предлагает для теории интерпретации, который порождает путь к предельному приближению силы метафоры. Приоритет, придаваемый интерпретации текста на этом заключительном этапе анализа, не означает, что взаимосвязь между ними не является взаимной. Объяснение метафоры, как локального события в тексте, способствует интерпретации самой работы в целом. Мы могли бы даже сказать, что, если интерпретация локальных метафор освещается интерпретацией текста как целого, в свою очередь, интерпретация поэмы, взятой как целое, контролируется объяснением метафоры, как локальным явлением текста.

Произведения языка были бы бессмысленными, если бы они не служили главному проекту возникновения новых миров благодаря изяществу поэзии.

Литература

1. Ricoeur P. La métaphore et le problème central de l'herméneutique // Revue Philosophique de Louvain. 1972. 5. p. 93-112.
2. Ricoeur P. La métaphore vive. Paris: Seuil. 1975.
3. Ricoeur P. Temps et Récit, 3: Le temps refiguré. Paris: Ed. du Seuil, 1985.
4. Russel A.M., Gerhart M. Metaphoric Processes: The Creation of Scientific and Religious Understanding. Texas: Texas Christian University Press. 1984.
5. Чернова Я.С. Особенности поэтики бытия П. Рикера // Философские традиции и современность. № 2 (12). 2017. С. 36-39.
6. Чернова Я.С., Талалаева Е.Ю. Трагедия как исток поэтической речи в философии М. Хайдеггера и П. Рикера // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 12 (86): в 5-ти ч. Ч. 5. С. 246-249.

Сведения об авторе

Чернова Яна Сергеевна, кандидат философских наук, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, e-mail: lisa68.08@mail.ru

FROM THE TEXT TO THE METAPHOR
IN THE HERMENEUTICAL CONCEPT OF THE FIELD RIKERA

Ya.S. Chernova

Abstract. One of the central problems of hermeneutics – interpretation – in the concept of the French philosopher Paul Ricoeur is carried out in the article. The study includes the integration of hermeneutical problems, primarily related to the text and piece of art, and rhetorical, semantic problems in which the metaphor plays an important role. The article describes the theory of reference and meaning, the metaphor, and reveals the poetic component of the language, the understanding of the other.

Key words: Ricoeur, metaphor, hermeneutics, poetry, language, interpretation, reference

Data about the author

Chernova Yana Sergeevna, PhD, Tambov state university named after G.R. Derzhavin, e-mail: lisa68.08@mail.ru